

ИНЖЕНЕР

ЧАСТЬ 7. ВТОРАЯ ИТЕРАЦИЯ

Евгений Южин

16+

Евгений Южин

Инженер. Часть 7.

Вторая итерация

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68337470

SelfPub; 2022

Аннотация

Бойтесь даров великих! Вот, жили вы себе не тужили – рыбу ловили, крокодила били, кокос собирали. Жена – красавица, детишки загорелые по пляжу носятся. И тут – бац! Ящик. А в нем: приемник с батарейками, фонарик с цветными стеклами, пара шорт с маечками. Подхватились радостные, нацепили на себя штаны цветастые, и побежали на Поле Вождей хвастаться. И хорошо, если в вашем племени процедура экзорцизма простенькая – подержать часок в дыму костра, пока бесам невтерпеж станет, и они, вильнув хвостами, оставят вашу копченую тушку, да и отпустить. А, ведь, возможны варианты. И не говорите, что вы не такие, и что вы, да и вожди ваши, уже лет сто сами штаны с батарейками носите. Фонарики, они того – разные бывают!

Содержание

Часть 7. Вторая итерация	4
1	4
2	25
3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Евгений Южин

Инженер. Часть 7.

Вторая итерация

Часть 7. Вторая итерация

1

Проснулся в сильнейшем беспокойстве. Что-то противно ворочалось и ныло в груди, силясь дотянуться до горла. Из головы медленно испарялся, улетучиваясь, образ маленькой светловолосой девочки с парой веселых бантиков на крохотных косичках. Она уже, должно быть, совсем взрослая, растит детей и редко вспоминает исчезнувшего в далеком прошлом отца. Мне от этого не легче. Что бы ни говорил я сам себе, какие бы доводы, основанные на строгой логике, ни изобретал, случившееся все еще оставалось слишком близким. Затерявшаяся в пустыне космоса девочка так и жила во мне непоседливым любопытным сорванцом, обожавшим без спроса шарить в ящиках с моим инструментом и немедленно материализовывавшимся под боком, стоило достать паяльник или загреметь ящиком с дрелью.

Я рывком сел в постели. Остатки сна еще морщили кожу на лице, но знакомое окружение мастерской властно выметало нахлынувшие воспоминания прочь. На верстаке у стены громоздился недоделанный каркас проектора – новой, захватившей меня идеи. Обычно, едва проснувшись, еще не позавтракав, я бросался к нему, и часто лишь сильный голод напоминал мне о временно забытой рутине жизни. Но сейчас даже он казался нелепым куском хобби одинокого человека. Я заозирался, словно только что очутился на этой планете, словно воздух Земли еще не покинул мои легкие: обширное помещение с невысоким потолком и отсутствующей стеной, в широком просвете клубился туман далеких облаков; анфилада столбов, подпиравших светлое деревянное перекрытие; развешанные по стенам инструменты, длинные верстаки, самодельный токарный и сверлильный станки, пресс, жерла нескольких печей, украсивших дальнюю стену, являющуюся не чем иным, как натуральной скалой; лестница наверх, прижавшаяся к стене справа, и длинный ряд полок на стене слева, забитый разнокалиберными устройствами и приспособлениями. Все довольно грубое, на мой вкус, как будто самодельное, во всем изобилие бронзы, непривычное глазу землянина.

Встал. Голова очистилась. Я дома – в Гнилом Зубе, как я прозвал этот утес. Настоящее логово – убежище таинственного волшебника, пришельца из другого мира. Таким это место с полным основанием считали местные. И, кстати, да –

это я. Ну, в смысле могущественный инопланетянин, волшебник, эль, затворник и отшельник, от которого лучше держаться подальше.

Тоска не уходила. Маленькая девочка отчаянно боролась за место в памяти. Не спеша, как был в белье, подошел к дышащему теплым влажным воздухом проему. Высокие грубые перила отделяли шелковистый на ощупь пол от захватывающего дух обрыва, нависавшего над бесконечным серо-буро-черным морем инопланетного леса. Свес крыши, поблескивающий повисшими капельками дождя, отчасти скрывал такую же бесконечную, как и лес, невысокую пелену облаков над головой. Легкие порывисто рванулись, втягивая воздух и пространство. Помогло. Я немного расслабился и даже покосился на незаконченную работу, но что-то этим утром шло не так – беспокойные мысли тут же заняли отвоеванную у памяти территорию.

Хмыкнул. Отсюда, с этого утеса на краю Облачного края, казалось, что одиночества на Земле не существовало вовсе. Всепроникающая связь, спутниковые, мобильные, кабельные и прочие сети опутывали жизнь людей, подчас заставляя их мечтать о редких моментах уединения. Те, кто мог позволить, тратили немалые средства, просто чтобы на недолгие дни оказаться вдали от цивилизации – на рыбалке, охоте или в путешествии по желателю малообжитым, а лучше вообще необитаемым местам. Я там вырос, мне казалось, что это нормально. И, как выяснилось, это совсем не так здесь

– на Мау. Начинаю привыкать к тому, что встреча с дорогими тебе людьми – это редкий праздник, и даже добравшаяся с оказией весточка, порой несущая на себе следы далекого путешествия, – радость.

После возвращения я видел Ану всего несколько раз. Последний – когда она забирала сына в какой-то аналог интерната на далеком севере. Процедура была неотъемлемой частью жизни местной знати, и я не протестовал, хотя и немного удивился, когда узнал, что никаких каникул не предполагалось еще как минимум лет пять, до тех пор пока он не подрастет настолько, чтобы путешествовать хотя бы без сопровождения пары нянек. Тот факт, что ребенок фактически будет расти вне семьи, похоже, никого не волновал. И ладно еще Ана – она скелле, но и Сам считал это абсолютно нормальным. Он, едва ли не с гордостью, поведал мне о годах, проведенных в похожем заведении, и, кажется, не только не разделял моего беспокойства, а даже остался в некотором недоумении, сообразив, что же меня насторожило. К слову, его я видел один-единственный раз – именно он и должен был доставить внука в интернат.

Ана целиком погрузилась в интриги. Главой Ордена могла быть лишь скелле, принявшая обет, – монахиня, как я переводил на русский местное слово. Но с тех пор, как Старшая сестра фактически самоустранилась, воцарилось своеобразное двоевластие – делами управляли в основном выходцы из университета в Арракисе, в большинстве примкнувшие

к моей супруге, но при этом юридически Орден по-прежнему подчинялся Старшей сестре. К хаосу и неразберихе добавился еще и монарх, вздумавший переоформить свои отношения с Орденом и, к моему удивлению, затеявший какую-то интригу в отношении меня. Все это я узнавал во время кратких визитов Аны в поместье, где провел ужасно унылые и скучные несколько декад. Окончательно одуревший от одиночества, после очередного визита супруги, к слову монополизовавшей самолет, я, едва ли не силой, заставил ее убить, как она выразилась, несколько дней и забросить меня на приметную скалу – мое старое убежище.

Руки не давали обмануться – слегка шершавая и как будто пористая древесина широких перил привычно легла под ладони. Время и труд сделали свое дело – мое, теперь уже совсем не тайное, убежище худо-бедно восстановлено. Умело использующий мой новый статус старый приятель Сардух платил регулярными караванами носильщиков. Последние появлялись на краю плато как рейсовый автобус – каждые пять дней, доставляя запрошенные мною материалы и продукты без единой задержки, если только не принимать во внимание тот факт, что от заказа до поставки порой проходили три-четыре декады. Впрочем, до поры до времени я не жаловался. Восстановление мастерской и начатые проекты позволили на время сделать осмысленным свое существование. Кто связывался со стройкой, знает – она не даст вам времени на тоску и уныние, жадно глотая каждый крохотный

кусочек свободного времени.

Вернувшись назад, в сумрак у дальней стены – более привычной к пламени печей, чем дневному свету, – я поставил большой медный чайник с водой на магический нагреватель, подтянул гирьку и толкнул упрямый лепесток балансира, запуская равномерное вращение кристалла. Бронзовая болванка под чайником, как заправский хамелеон, мгновенно обернулась темным оттенком, чтобы пару секунд спустя налиться пунцовым жаром. Мокрый чайник недовольно зашипел и зафыркал, но быстро утих, впитывая поток тепла, родившийся в окрестностях Источника. Так или иначе, воды в нем было много, и пока она закипит – можно было, пожалуй, прогуляться.

Лестница выныривала под нешироким навесом на краю обширной крыши. Когда-то на ней запросто помещалась пара самолетов – не земных, конечно, а моих летучих самоделок. Теперь же посреди единственного на планете аэродрома одиноко торчало сляпанное на скорую руку недоразумение, которое я про себя называл ступой Бабы-яги. Небо над головой, привычно для здешних мест затянутое облаками, медленно ползло к скальной стене, замыкавшей пространство с востока, скрывающей близкое, заросшее высоченным лесом, плато Облачного края.

Ступа смотрелась жалко. Корзину воздушного шара без последнего – вот что, на самом деле, это напоминало. Только вместо тепловой пушки – блестящий влажной потемневшей

бронзой магический привод, увенчанный таким же бронзовым шаром с креплениями – чебурашкой. Тем не менее, его было более чем достаточно, для того чтобы подняться на скалу, да и тяги у этого чуда инопланетной техники хватало, чтобы нести на внешнем подвесе почти тонну металла. В принципе, для путешествия по окрестностям большего и не требовалось – этакий грузовой лифт с возможностью небыстрого полета.

Второй раз за утро вздохнул. Пора было признаваться самому себе в том, что уже, на самом деле, давно было ясно. Все эти попытки найти дом обречены изначально. Даже с точки зрения аборигенов, семья и скелле – вещи несовместимые. Нет, конечно, женская природа неизбежно прорывалась сквозь бронированную маску невозмутимости, но нужно быть поистине большим оригиналом, чтобы назвать домом хижину, балансирующую на краю вулканического кратера. Кратер, для тех, кто не понял, – скелле. А хижина – это я. Красиво, слов нет. Но это не дом – это какое-то бесконечное приключение. С другой стороны – Гнилой Зуб. Тихо, спокойно, безопасно – твори, выдумывай, пробуй. Тоска! Каким бы влюбленным в технику анахоретом вы ни были, она не самоцель. Мне безумно не хватает человечества! Того, земного, которое с жадностью впитает все, что бы я ни сделал, и потребует еще, награждая кипящим потоком идей и творений других.

И, наконец, подарок настоящих инопланетян – Храм. Та

еще заноза!

Я потер лицо руками, прошелся по уже начавшим белеть доскам к самому краю пропасти – мое любимое место. Давно стали привычными длинные сутки, меньшая сила тяжести, ровный теплый климат, но именно здесь, вглядываясь в щель между серым небом и черно-серой массой, заполнившей долину далеко внизу, я всегда ощущал, что не дома – не на Земле. Что-то не так в этих облаках, что-то не так в этом лесу, что-то не так с этим горизонтом и этим дождем.

Под ногами тихо звякнул колокольчик – это гирька привода, своим весом вращавшая кристалл в нагревателе, отмерила десяток сантиметров пройденного пути. По опыту знаю, что еще парочка, и чайник заревет разбуженным гейзером – надо спускаться. Легко сбежал вниз, успел метнуться к нагревателю, до того как тот превратил утреннюю порцию орешка в стендовые испытания реактивного двигателя. Привычная суэта отвлекла – погреть лепешки, натолкать в них сыра и вяленой козлятины, развести пастилы и дать раствору немного остыть. Побросал готовый завтрак на разделочную доску и потащил к столу неподалеку от проема. Взгляд споткнулся о проектор, но запах еды и голод оказались сильнее.

Помесь кружки с бокалом изготовил сам из прозрачной смолы, благо последняя от температуры кипящей воды почему-то становилась прозрачнее и прочнее. Случайно открыл, когда испытывал первый образец. Приделать ручку не удалось – смолу надо было отливать одной заготовкой – прикле-

енная деталь неожиданно и не вовремя отваливалась. Поэтому полулитровый бокал покоился в неаккуратно сваренном бронзовом подстаканнике – привет, РЖД. Чудовищная конструкция вместе с напитком весила не меньше килограмма, но я ее не променял бы ни на какую местную стеклянную емкость. Сардух, побывавший на скале дней десять назад, увидев ее, хмыкнул, с сомнением повертел в руках, но ничего не сказал, хотя и был явно озадачен.

Мысли толкались и копошились. Способности, возникшие у меня при смешении местной материи и земной, продолжали деградировать. Еще год, и я уже не смогу быть с Аной. Однажды близость закончится моей смертью. Я об этом никому не говорил, но давно заметил, что звон в ушах, который всегда выдавал близкое присутствие скелле, как-то утих, да так, что я временами просто не замечал его. Раньше я умудрялся сваривать бронзу, просто вращая шарик с кристаллом в руке, теперь даже и не пытался. Что-то еще оставалось, но затраты не стоили усилий – проще было установить нужный кристалл, сфокусировать линзы и запустить привод, вращавшийся примитивной часовой гирькой, – вари сколько хочешь, не напрягаясь и не боясь потерять в нужный момент направление на Источник.

Дар Храма от этого не зависел, но и толку от него было немного. Если честно, я старался избегать его. Чуть сконцентрируешься, и вот она – сияет звездой будущего черная дыра, привычные вещи и окружение уплывают, улетают в за-

коулки памяти минувшим, а настоящего-то и нет. Что бы ты ни сделал – все безвозвратно, даже стакан поставить на то же место невозможно. Стоит посидеть в таком состоянии подольше, и возникает ощущение, что ты несешься один-одинешенек в темной бездне, а привычный мир – лишь тени потока случайных встречных. В голове начинают ворочаться какие-то образы – вероятно, символы базового языка хозяев Храма, но я не в силах дождаться их осознания. Сильнейшее ощущение, что я сам распадаюсь на кусочки, что я сам – лишь тень, лишь проекция мимолетных событий. Чувство было настолько подавляющим, что я терял контроль над собственным разумом и, естественно, тут же выныривал, отгораживался от неприятных видений, пытаюсь сохранить себя, свою целостность. Вероятно, надо было бы не сопротивляться, дождаться фиксации хотя бы одного понятия, но это было слишком – добровольно потерять личность, даже если тебе обещали ее вернуть с премией! Да, собственно, никаких мыслей или страхов и не было – я не выбирал, терпеть или нет. Честно, много раз пытался с одним и тем же результатом. Стоило лишь потерять себя, как я судорожно, рефлексивно, как это делает утопающий, выдергивал свое существо на поверхность к привычному сладкому воздуху и синему небу. Это здесь, на краю бездны, я мог бояться и преодолеть – там срабатывал какой-то древний участок мозга, который не интересовался моими стремлениями. Он тупо спас тело и разум так, как считал нужным.

Болтая ногами на высоком табурете, осторожно прикоснулся к кружке – еще горячая. Ну, да, и я никуда не спешу. Выцепил из лепешки кусок вяленого мяса, бросил в рот и вздрогнул – подчинявшаяся до того только мне и ветру тишина лопнула, впуская далекий звон. Это у меня такой дверной звонок – в крохотной беседке на краю обрыва висит небольшой медный колокол, лупить в который полагается караванщикам, извещая мое инопланетное величие о прибытии. Однако сегодня я никого не ждал, как, впрочем, и в ближайшую пару дней.

С сожалением покосился на стынувший завтрак, уже понимая, что любопытство побеждает голод – кого там черти принесли? Метнулся за штанами, накинул подобающую статусу короткую безрукавку, исчерканную цветными узорами Уров, торопливо куснул лепешку и выбрался на крышу, жалея, что мой импровизированный аналог кофе еще не остыл – жевать всухомятку еще то удовольствие. Летательный аппарат никуда не делся. Перекинул ноги через глубокий вырез в стенке корзины, окинул взглядом внутренности – забытые мешки, намокшие от прошедшего дождя, тубус с подозрной трубой, висящий на крючке, слабый аромат парфюмерии – так пахла мокрая древесина одного из местных растений, – и сдвинул привод. Последний делала Ана, сдержанно возбужденная и радостная оттого, что я не особенно сопротивлялся требованию отдать ключи от машины, фигурально выражаясь, так что никаких механических вертушек – иначе при-

шло бы переименовывать ступу Бабы-яги в пепелац из-за очевидной схожести.

Корзина вздрогнула, пол наклонился – я повис на приводе, как на поручне вагона метро в далеком прошлом, слегка чиркнуло днище по доскам, и ступа наклонно устремилась в сторону пропасти, слегка набирая высоту. Обернувшись, я разглядывал знакомые черты монументального утеса, давшего приют моему убежищу. По мере того, как он удалялся, справа и слева распахивался вид на протяженный обрыв Облачного края, поросший высоким лесом, нависающий широкой светло-желтой полосой над темным подножием долины. Показалось, что облачный потолок слегка приблизился, дуновением ветра шевельнуло одежды, когда из-за края скалы стала заметна светлая беседка на самом изломе кромки плато. Наученный опытом, я предпочитал начинать знакомство с гостями издалека. На этот раз вроде никаких неожиданностей – заметна одинокая фигурка рядом и какое-то копошение вдали под еще не рассеявшейся тенью деревьев. Все по протоколу – можно приблизиться, пожалуй. Я поправил привод и начал медленный спуск по широкой дуге, одновременно извлекая подзорную трубу. Никаких пятнышек, никакого мельтешения отблесков искусства – значит, никаких скелле или магических сюрпризов. Беседка понемногу приближалась. Под деревьями удалось рассмотреть пару палаток, которые, похоже, прямо сейчас сворачивали несколько человек. Выходит, кто бы там ни был, они пришли еще вче-

ра и терпеливо дожидались утра, не решаясь тревожить мой отдых, – хороший знак. Еще минута неспешного полета, и я узнал фигуру рядом с беседкой – Домдрусвал, по-простому – Дом, один из штатных караванщиков, которому доверил эту почетную роль сам Сардух. Чего это он раньше срока?

Медленно и неспешно опустился. Дом приветливо улыбнулся, не торопясь подходить, – правила поведения были намертво заучены всеми караванщиками. Одна небрежность, и ты мгновенно потеряешь и непыльную работу, и почетное положение посредника между простыми коммерсантами и таинственным элем, легко конвертируемое, как я подозревал, в изрядный доход – во всяком случае, я ни разу не слышал, чтобы бывший староста платил караванщикам. Ну, ладно – меня все устраивает. Выбираемся.

– Дом, что случилось? Я не ждал вас сегодня.

Караванщик расслабился и зашагал навстречу:

– Я с гостями. А их никогда не ждешь – они сами приходят.

– Ну, если незваные, то да – сами.

Молодой высокий парень, с традиционным хвостом волос обитателей фронта, улыбочивым хитрым лицом индейца и очень темными глазами, остановился напротив:

– У них письмо от Сардуха. Пришлось вести. Ждать не захотели. – Он кивнул за спину.

Я всмотрелся – от леса неторопливо приближалась троица незнакомцев. Хотя почему незнакомцев – одного я точно

знаю! Хотя в походной одежде просто так и не угадать столичную штучку, человека, которому доверены многие тайны двора, – архивариуса. Как там его? Сомтанар – с трудом протиснулось в память забытое имя. Лысый, невысокий, но живой и деятельный мужчина в возрасте, с умными глазами.

Присмотрелся к сопровождающим, и по телу медленно прокатилась неприятная волна, пальцы нащупали шарик с кристаллом в кармане жилета. Двое. Разные люди, разные волосы, одежда, обувь, но при этом неуловимо одинаковые – поджарые мужчины, бесстрастные лица, цепкие быстрые глаза. До боли, в буквальном смысле, знакомый типаж – именно тот, который я меньше всего желал видеть поблизости от моей драгоценной тушки. Пусть даже они уверены, что перед ними могущественный эль, способный стереть в пыль целую улицу, что мне делать, если им придет в голову это проверить? Ведь я-то знаю, что теперь моих способностей едва ли хватит на пару незамысловатых фокусов.

Вздыхнув, потащил шарик наружу. Ослабевшие чувства не дали бы определить направление на источник, но дар Храма, по счастью, жил своей жизнью – стоило едва заметно напрычься, и будущее вырастало за спиной. А чтобы не отключиться в тошнотворном водовороте, много не надо – только сориентировался, и снова в привычный мир, где рука уже накрывает тень звезды суррогатом конвертера – смоляным шариком с наглухо вмурованным кристаллом какой-то соли. Караванщик догадался, что происходит, перестал улыбаться.

ся и, почти пригибаясь, отступил на пару шагов. Знакомого касания магии едва хватило, чтобы слегка подогреть мозг, неумолимо теряющий материю родины, – хватит, пожалуй, на сильный ожог или слабый испуг. Оставалось надеяться, что до этого не дойдет.

Я поднял руку.

– Сомтанар, здравствуйте! Будьте любезны, оставьте ваших людей, где стоите! – громко поприветствовал архивариуса, который нерешительно замялся довольно далеко от меня.

– Хорошо! – Он почему-то остановился и сам обернулся к сопровождающим, что-то сказал, те молча покивали и слегка разошлись в стороны.

– Идите сюда! – пришлось звать.

Одетый в прочные брюки, длинную рубаху по местной моде и такую же длинную безрукавку почти до колен с многочисленными карманами, мимолетный знакомый приблизился.

Как ни мала была порция энергии, зацепившаяся за сознание, меня потряхивало, и, когда подошедший архивариус вздрогнул, что-то рассмотрев в моем лице, я решил избавиться от нее – сопровождающие не делали попыток двигаться, и я немного успокоился. Дом повел носом, сморщился, когда зашипел мокрый песок невдалеке, и поторопился отодвинуться:

– Э-э, я, может, пойду? – Он бросил быстрый взгляд на за-

стывшего архивариуса и заозирался на далекий лагерь, стараясь не смотреть в мою сторону.

– Иди. Отведи вон тех обратно, – немного напряженно, захваченный почти гигиенической процедурой, я отстраненно мотнул головой в сторону приятелей архивариуса, и караванщик, что-то коротко буркнув, рванул прочь с изрядным облегчением.

Сомтанар растерянно проводил его взглядом и замер, рассматривая меня.

– Что привело вас, любезный, в такую глушь? – наконец улыбнулся я слегка напряженному визитеру. Было похоже, что мое внезапное напряжение не ушло бесследно в мокрый песок, теперь клубившийся паром, а частично перекинулось на моего гостя.

– Вы напрасно так... – замялся он. – Реагируете, – наконец-то нашел слова. – Я с самыми добрыми намерениями. – Он замолчал, нахмурился чему-то, посмотрел мне прямо в глаза, было заметно, как напряжение медленно оставляло моего гостя. – Честно признаться, я воспользовался поручением его величества, но ни в какой мере не хотел доставить вам каких-либо неудобств. – Он повертел в воздухе кистью, как бы указывая на удалявшихся вместе с караванщиком сопровождающих, и продолжил: – Эти господа – не мои слуги. Это, если можно так выразиться, охрана, навязанная мне заботой его величества. Прошу меня простить. Этот любезный человек, – продолжил он, очевидно, имея в виду кара-

ванщика, – нас подробно проинструктировал. Но я не вполне могу распоряжаться людьми монарха. – Он скорчил кислую физиономию, украшенную, впрочем, вполне разумным, твердым взглядом.

Я постарался изобразить самую приветливую улыбку, которую только мог:

– Оставьте извинения, Сомтанар. Я рад видеть вас! Не могу, правда, сказать этого о тех господах. Надеюсь, от меня не требуется общаться с ними. – Я закончил фразу скорее утверждением, чем вопросом. – Но вы не ответили.

– Э-э, вынужден все же вновь просить прощения. – В его речи чувствовалось остаточное напряжение. – Собственно, нам не довелось поговорить в тот раз. – Взмах руки. – А я человек крайне любопытный. – Сомтанар неожиданно искренне улыбнулся. – В некотором роде, это моя профессия. Я очень много читаю, и, как вы можете догадаться, из не вполне доступных источников. Вот я и надеялся, что интерес к общению у нас мог бы быть взаимным.

Он смотрел с плохо скрываемой надеждой. Если учесть, что перед моим носом только что помахали морковкой поистине космических масштабов, то его опасения выглядели неуместными и даже трогательными.

– Правильно надеетесь. Я тоже любопытен. И не только потому, что это моя профессия. – Я всмотрелся в шевеление в далеком лагере. – Но все же, что хочет его величество?

Сомнатар посмотрел на меня как будто с некоторым удив-

лением:

– Ну, если вы настаиваете. – Он зачем-то оглянулся, повертел головой, посмотрел на беседку, наконец продолжил, сложив на животе руки: – Собственно, меня инструктировал Ас. Его величество я не видел. Но инструкции были весьма обширны. – Он замолчал, рассматривая меня взглядом, характерным для исследователей, – взглядом отстраненного наблюдателя.

До меня медленно доходило. Мне ведь уже сказано – направлен с поручением. Очевидно, речь идет о каком-то разговоре, о сообщении информации – требовать немедленно выложить ее все равно что при дипломатическом визите затевать переговоры с посланцем на трапе самолета, не позволив ему даже спуститься на вашу территорию. Нехорошо получается.

– На этот раз я попрошу прощения. Извините, какое-то сумбурное утро – я даже не позавтракал. Прошу вас, составьте мне компанию, если не возражаете.

– Возражаю? Помилуйте. Весьма признателен за доверие.

– Доверие. – Я продолжал тупить. – А, ну да! Прошу вас, – пробормотал я, жестом указывая на застывший неподалеку пепелац.

Ступа, несмотря на внушительную грузоподъемность, была маленькой и, пожалуй, могла бы вместить не более четверых – и то при условии, что они готовы терпеть такую близость в мире, где не знали метро. Сомтанар застыл, вцепив-

шись в борт, отчего мне пришлось, в свою очередь, отодвинуться к противоположному, в попытке сохранить равновесие. Его спина ничего не выражала, пока мы по широкой дуге облетали утес, и лишь когда я на мгновение завис, готовясь заходить на посадку, он обернулся. Архивариус выглядел взбудораженным – этакая смесь разных чувств: страха, восторга и любопытства. Он мельком глянул на меня, за мое плечо – на бесконечный лес долины, на привод, которым я управлял парой длинных, блестящих латунию рычагов с деревянными шариками на концах, счастливо улыбнулся, сохраняя каким-то образом следы испуга в лице, и вновь отвернулся. Наверху чувствовался слабый освежающий ветерок, я повисел пару секунд, ловя его нежные касания, и направил летательный аппарат на широкую крышу моего логова.

Попытка усадить архивариуса за стол провалилась – он хаотично исчезал, чтобы тут же материализоваться в самых разных местах моего дома. Его воспитание зримо проявлялось в виноватом выражении восторженного лица, когда я обнаруживал его то наклонившимся, внимательно разглядывающим часовой механизм, вращавший привод нагревателя, то задумчиво водящим пальцем по шпинделю токарного станка, то почти с головой нырнувшим в печь отжига, то с полуоткрытым ртом уставившимся на хитросплетения сварочного агрегата. После нескольких попыток упорядочить эти хаотичные перемещения, я сдался. Спокойно пригото-

вил второй завтрак, залил кипятком свежие порции орешка и уселся наблюдать за неугомонным гостем на любимый табурет. Он что-то почувствовал, прекратил дергать сверлильный станок, отличавшийся, к слову, от местных версий лишь приводом, оглянулся на меня – из полутьмы мастерской я, должно быть, смотрелся неподвижным силуэтом – и, с сожалением оглядев на длинные полки, заставленные всевозможным инструментом и приспособлениями, поспешил к столу.

– Присаживайтесь, уважаемый. Я, извините, еще не завтракал, так что позволил себе вас не дожидаться.

Сомтанар замер рядом со столом, разглядывая нехитрую снедь, поднял бровь, демонстрируя удивление:

– Орешек? С утра? Да еще и горячий?!

Я развел руками:

– Меня он не пьянит. А вам я просто не могу предложить ничего иного. Где-то, правда, должна была оставаться от супруги банка с сушеными водорослями, но – найти не смог. Может, воды?

Он махнул рукой, забираясь на высокий табурет:

– Не стоит. Орешек так орешек. Буду приучать себя к хорошему. – Он поднял кружку, понюхал парящее содержимое, посмотрел на меня. – Знаете, сколько такое варево будет стоить в долине?

Я пожал плечами – какая разница?

– Заваренный кипятком, орешек надо выпить немедленно – остыв, он потеряет все свои свойства. – Увидев мое лицо,

добавил: – О! Похоже, вы этого не знали?

– Не знал. Но что это меняет?

– Как что?! Представляете, сколько стоит этот объем напитка такого качества?! Горячий напиток готовят из пастилы. И то только тогда, когда уверены, что смогут столько выпить.

– Помилуйте, Сомтанар! Мы не в Арракисе, и я не богатый алкоголик. Но если для вас это перебор – давайте разведу пастилу. Сделать?

2

Архивариус обожал путешествия. Ему снились другие города, архипелаг утонувшего континента, легендарные южные острова, затерявшиеся где-то за океаном. Страсть к далеким землям зрела каждый год, проведенный в Арракисе. Быть может, это и была настоящая причина такой одержимости – просто мечта разрушить многолетнюю однообразную рутину дворцовой жизни. Его профессия привязала его к этому месту – центру сосредоточения всего, что уцелело от древних. Нет, не так – центру всего письменного наследия великих предков. Все, что не было уничтожено или похоронено в башне Старшей сестры, так или иначе попадало в его руки. Его долг и его профессия требовали все это читать. От него зачастую зависела судьба той или иной книги, той или иной бумаги. Монархи вовсе не жаждали возрождения былого величия цивилизации Мау, но древняя история хранила корни многих родословных, многих прав и обязательств. Да и знания, тем более запрещенные, лучше хранить под надежным замком и под своей властью, чем надеяться на обеты скелле. Толку, правда, в этих пыльных горах макулатуры было бы мало, если бы не те, кто мог их прочитать и понять, что можно было без жалости уничтожить, что спрятать и хранить до времени, а что использовать. Этим и занимался Сомтанар – сначала как младший чтец, потом как храни-

тель, помнивший еще прежнего архивариуса, а со временем и занявший его место.

Он всегда мечтал о новых местах, о новых людях и использовал любую возможность для кратких поездок, порою выдумывая насущную необходимость проверить находку в далеком поселке старателей, вместо того чтобы с комфортом и спокойствием дожидаться, пока монарший курьер доставит ее в столицу. Разумеется, эта страсть стала очевидной для окружающих, и со временем поездки удавались все реже и реже. Представьте же, какую бурю фантазии вызывала у него информация об иных мирах, о легендарных и, как теперь выяснилось, вполне реальных путешествиях между ними. Когда Сомтанар впервые увидел Илью, его трясло – трясло от близости невероятного, от прикосновения к чуду. Там, где другие видели лишь странные черты чужеземца, архивариус угадывал признаки иных рас и звездных систем. Сам облик Ильи был для него кусочком межпланетного путешествия, кратким взглядом через замочную скважину в иной мир. Сомтанар помнил каждое слово, сказанное элем на том приеме. Слова эти не только снились ему ночами, он записал их и тщательно обдумал каждое. Но этого было так мало!

Когда уважаемый Ас, правая рука самого монарха, завел окольный разговор, явно следуя собственным замыслам, Сомтанар сразу же понял, о чем речь, и бесцеремонно прервал помощника его величества, чем, как ему показалось, немало удивил последнего.

– Уважаемый Ас, я согласен.

– Согласны? На что?

– Если я вас правильно понял, вы ищете переговорщика с элем – так? – Он дождался замедленного кивка собеседника. – Ну, вот на это я и согласен. Переговорить с ним.

Одна из бровей на обычно невозмутимом лице Аса поползла вверх.

– И вас не интересует тема переговоров?

– Любезный Ас, вы же не сомневаетесь в моей памяти или пунктуальности? – он ответил с кривой усмешкой, дождался очередного кивка от нахмурившегося советника и продолжил: – Можете не сомневаться, я в точности передам ваше сообщение и скрупулезно выполню все ваши инструкции. Ну, и прошу вас, не заводите разговор о хранении тайны – осмелюсь вам напомнить, что это моя специальность и часть профессии, если хотите.

И вот он здесь – в убежище того самого инопланетянина, беседа с которым была грубо прервана в прошлый раз. Более всего оно, убежище, напоминало судоремонтную мастерскую в Саутриме, в которой ему довелось побывать в молодости. Почти тот же упорядоченный хаос станков, инструментов, заготовок, печей, верстаков и полуготовых изделий. Не было лишь суетящихся рабочих и надменных мастеров, не пылали огни в печах, не лязгали инструменты. Тихо и чисто. Внимание Сомтанара привлекли разнокалиберные устройства, явно связанные с искусством, посредством

которых эль, очевидно, обходился без многочисленных помощников и открытого огня.

Сам эль изменился мало – высокий, сухощавый, абсолютно лысый, со спокойным и немного беспокоящим взглядом странных желтых глаз. Сомтанар не сразу понял, в чем дело, – Илья смотрел так, словно не просто был знаком с ним, а хорошо знал его интересы, тайные страсти, его мотивы и желания. Так взрослый снисходительно посматривает на хитрющего ребенка, задумавшего симуляцией выпросить порцию варенья для лечения внезапной тяжелой болезни. Эта доброжелательная снисходительность немного задевала, но Сомтанар готов был вытерпеть многое.

– Илия, правду говорят, что вы раньше были покрыты волосами? Говорят, что вы ходили на мун из Великих гор.

Горячая волна разведенного кипятком орешка в очередной раз прокатилась по его пищеводу, даря ожидаемую беззаботность и упрощая общение. Возможно, излишне, – подумалось Сомтанару, но уже было все равно – он получил то, что хотел, и теперь даже сам монарх не смог бы оторвать его от эля.

Тот, почему-то невесело, усмехнулся:

– Преувеличивают. Просто у нас сохранилось оволосение лица. – Он провел руками по щекам и губам, показывая, где у его народа росли волосы. – В остальном мы мало чем отличаемся.

– А что случилось? Почему вы теперь лысый?

– Поверьте, Сомтанар, – эта история принесет вам одно лишь беспокойство. – Эль помолчал и кратко добавил, почти выплюнул: – Скелле.

Архивариус поднял руки:

– Любезный Илия, поверьте, меня меньше всего интересует история вашей жизни на Мау. Извините, если затронул вас чем-то. – Он опустил глаза, затем быстро посмотрел на инопланетянина: – Вы поймите, меня распирает от вопросов! Я, честно говоря, не знаю, с чего начать. И у меня – предложение. Давайте честный обмен – один вопрос, один ответ. По очереди. Вы не против?

Сомтанар поерзал на табурете, Илья отвернулся, высматривая что-то в провале за отсутствующей стеной. Больше всего архивариус боялся, что тот откажется, – скажет, мол, говорите, чего там его величество хотел, и валите подобру-поздорову. Поэтому он не удержался от глубокого вздоха, когда эль привстал, потянулся, обернулся к Сомтанару и ответил:

– Отлично! Думаю, это то, что надо! У меня тоже немало вопросов. – Он подошел к ограждению, повертел головой, как будто разминая мышцы шеи, и неожиданно спросил: – А как там ваши сопровождающие? Готовы подождать?

– Куда они денутся? – Сомтанар равнодушно махнул рукой. – Будут сидеть сколько надо.

Он встал, секунду подумал и, подхватив кружку с раствором, подошел к Илье:

– Илия, а вы богов видели?

Тот обернулся, посмотрел с удивлением:

– Что вы имеете в виду?

– Ну, вы же общались с Храмом – он, наверное, вам много чего рассказал. Боги, они какие? Они вообще есть?

– Первый вопрос? – Илья засмеялся.

Но Сомтанар остался серьезен:

– Ага. – Он отхлебнул.

– Сомтанар, дорогой, у меня тут есть хороший друг, так вот, ему достаточно пары таких кружек, чтобы, скажем так, приобрести философский взгляд на жизнь.

Архивариус ответил растерянным взглядом, потом смутился:

– Да, вы правы. Я уже давно почувствовал, что мне слишком хорошо. – Он вернулся к столу, поставил на него с видимым сожалением кружку с раствором и обернулся. – Слушаю вас внимательно.

Илья вздохнул, развернулся лицом к гостю, застыл, опираясь на ограждение над пропастью:

– Боги есть. Но я бы не использовал это слово. В нашем языке им обозначают совсем другую сущность. Здесь же боги – настоящие инопланетяне. Представители высокоразвитой цивилизации – куда более развитой, чем наши с вами. Создатели Храмов. Лично я их, конечно, не видел, да, полагаю, что это и невозможно, но их изображения Храм охотно демонстрирует. Он, надо сказать, вообще ничего не скрыва-

ет, все, что знает, рассказывает. Это ведь просто искусственный интеллект, функция. – Илья подошел к столу, сел, взял свою монструозного вида кружку, посмотрел на Сомтанара и отставил. – Знаете, дорогой архивариус, вокруг звезд крутятся разные планеты.

Сомтанар состроил едкую ухмылку, скривился:

– Илия, если и остались на Мау люди, которые что-то помнят, то перед вами один из них. Вы сэкономите много времени, не пытайтесь объяснять элементарные вещи.

Эль кивнул:

– Хорошо. Так вот, некоторые звездные системы включают в себя несколько звезд. И бывает, что это не захваченные взаимным тяготением случайные странники. Ваша звезда, например, – он махнул рукой куда-то в сторону далекого леса, – была захвачена тяготением черной дыры – того, что скелле называют Источником. – Эль отмахнулся: – Но я не об этом. Бывает, что из одного и того же вещества рождаются сразу две звезды. Мир несправедлив, и обычно на всех не хватает, как результат – гигантские планеты, состоящие большей частью из газа, так и не ставшие самостоятельной звездой. Иногда такие гиганты излучают в космос больше энергии, чем получают. В нашей системе, кстати, есть такая.

Эль на минуту замолчал. Сомтанар терпеливо ждал.

– Те, кого вы называете богами, родились на такой планете – газовом гиганте. Внешне они напоминают земных китов.

– Кого?

– Простите. Кит – это земное животное. Внешне оно похоже на ваших лохов, только не ползает по дну, а плавает в толще океана, держась поверхности. Очень большое, может – метров тридцать в длину, умное, социальное, и оно нам родственник, в отличие от лохов. Так вот, боги по сравнению с ним вообще огромные – около километра, а бывает и больше. Такие гигантские сигары, парящие в плотной атмосфере планеты, в сотни миллионов раз большей по размеру, чем, например, Мау, которая к тому же и греет себя сама. Их общество чрезвычайно сложно организовано, а главное – по-другому. – Он покрутил в воздухе кистью руки. – Например, один такой «кит» – это не одна личность, а скорее временное вместилище кочующих семей из разных личностей. – Илья задумчиво посмотрел на застывшего Сомтанара, спешащего переварить информацию. – Как вы догадываетесь, я и не пытался разобраться. То, что мне демонстрировал Храм, выглядело слишком грандиозно! Особенно учитывая масштабы – представьте себе багровые до черноты облака, фиолетовые молнии размером с наши планеты, которые повисают ожившими дорогами, свет, который падает не сверху от солнца, а идет снизу, от ядра. Можно посвятить жизнь, изучая эту маленькую вселенную, к тому же обитаемую, но – у меня она, жизнь, я имею в виду, одна.

Помолчали. Сомтанар раздумывал о множестве вопросов, рожденных единственным ответом.

– Представьте себе, – неожиданно продолжил эль, – в

этом бескрайнем океане есть высоты или глубины – как назвать, – где могут существовать сложные углеродные полимеры. Именно там и зародилась жизнь, оттуда вышли далекие предки богов. Конечно, разумная жизнь вездесуща, и они освоили планету от ядра до спутников, но начиналось все именно там – в узком слое, зажато между багрово-черными клубящимися глубинами, где газ спрессован до состояния жидкости, и ревущими штормами верхней атмосферы, где рядовое облако способно поглотить десятки наших планет, а ветра рождают потенциалы, достаточные для молний в тысячи километров протяженностью. Если сравнить с Землей или Мау – наши миры просто карлики!

Сомтанар зажмурился, пытаясь представить масштабы, потом встряхнулся, вопросов меньше не стало – скорее наоборот.

– Илия, будем считать, что вы ответили, – медленно произнес он. – Впредь я буду думать, о чем спрашивать, или мы никогда не закончим – у меня тоже жизнь одна. – Он усмехнулся и сделал большой глоток слегка остывшего отвара. – Ваша очередь!

Эль встал, ушел в глубину своего убежища. Затрещала цепь, гирьки подмеченного Сомтанаром механизма взлетели под потолок. Илья поставил чайник на широкий темный блин, щелкнул какой-то рычажок, с равномерным стуком задергался маятник, завертелся небольшой маховик, засветилась красным жаром подставка. Архивариус с интересом

следил за маленьким таинством. Наконец, Илья повернулся:

– Меня интересуют эли. Кто они? Откуда? Что за мир?

Все, что о них известно.

– Сказал эль, – пробормотал Сомтанар.

Илья расслышал, улыбнулся:

– Про меня можете не рассказывать.

Сомтанар с сомнением смотрел на Илью. Первый вопрос – самый сокровенный, тот, который зудел днем и ночью под кожей, не давая сна и отдыха, – или не так? История древних увлекательна, но то ли это, что волнует эля? До этого момента все казалось чудесным приключением: путешествие в край контрабандистов, таинственное убежище могущественного волшебника, он сам – такой странный и чужеземный, полет над пропастью и, наконец, таинственный сумрак запретного логова. Но прямо сейчас удивление от неожиданного вопроса как будто на мгновение смыло налет тайны с его собеседника. Сомтанару показалось, что рядом с ним не могущественный пришелец, а потерявшийся путешественник, пытающийся нащупать дорогу в незнакомой местности.

– Боюсь, что мой ответ будет слишком краток, чтобы зачесть его. Вы уверены, что это важно?

Ответом ему была спина эля, внимательно ждущего чего-то от размеренно шелкающего механизма. Какое-то время он не шевелился, затем что-то фыркнуло и стало посвистывать, набирая высоту. Илья встrepенулся, остановил ти-

кающий маятник и торопливо сдернул недовольно заворчавший чайник с нагревателя.

– Какая разница, уважаемый Сомтанар? – подойдя к столу с парящим бронзовым чудовищем в руке, спросил он. – Вы ведь не торопитесь?

– Нет, нет, нет, – заторопился подтвердить архивариус. – Я надеюсь, мы только начали.

Следя, как эль готовит свежую порцию орешка для себя и освежает кипятком остывшую кружку гостя, Сомтанар заговорил:

– Собственно, известно, что элей было два, не считая вас.

– Три.

– Что?

– Три. Так сказал Храм. Но, извините, что перебил, это не так важно. Скорее всего, первый погиб слишком давно, чтобы о нем остались какие-нибудь записи.

Сомтанар недовольно нахмурился:

– Мне почему-то кажется, что вы знаете больше меня. За чем же был этот вопрос?

– Храм знает только то, чем делился с ним его гость. Не считая, конечно, того, что он бесцеремонно считывает всю формализованную информацию.

– Простите, не понял.

– Храм легко воспринимает все, что связано с языком. Но не видит того, что мы не транслируем в языковые образы. Например, вы можете помнить, как взлетели на мою скалу,

но если не напишете рассказ об этом, Храм этого не воспримет. Он легко разбирается со всем, чему нас когда-то учили, но не видит непосредственный жизненный опыт, хранящийся в памяти. Он может, правда, легко извлечь слова, которые вы или я говорили во время полета, но все остальное – нет. Чтобы он это узнал, придется рассказать – то есть перевести в текст, в те же слова.

– Вот оно в чем дело. То есть содержимое книги, которую я читал, он воспринимает, а вот что я ел или о чем думал в тот момент – нет.

Илья пожал плечами, отхлебнул из своей кружки:

– Не уверен насчет «думал». Но идею вы уловили. Так что там с элями?

Сомтанар вздохнул и заговорил. На удивление, оказалось, что знал он не так уж и мало. Предшественник Ильи был известной личностью и немало наследил в истории. Вот только очень скоро стало ясно, что эля интересуется в основном то, о чем меньше всего известно, – ему была нужна любая информация о мире, из которого тот явился. Как туда попали люди? Как давно? Обычай, язык, внешний облик? Далеко ли их планета? Что эль рассказывал о своем прошлом?

– Илия, поймите, эль не оставил записей, заметок, воспоминаний. Все, что мы о нем знаем, – свидетельства древних. Они писали лишь то, что видели. Он был темный, в отличие от вас. Я имею в виду – темнокожий. Поэтому легко вписался в тогдашнее общество, где превалировали древ-

ние. Свой мир он называл Гера, и, по косвенным признакам, у них там было принято многоженство. Во всяком случае, на Мау он очень быстро обзавелся тремя женами – все из высших маути. Главной его заслугой считается то, что он каким-то образом научил общаться с Храмом местных жителей. Не всех, конечно, но, пройдя определенную процедуру, некоторые действительно могли общаться, как тогда писали, с богами. Очень быстро такие люди сформировали закрытую жреческую касту, сыгравшую впоследствии решающую роль в Катастрофе. Здесь, в долине Дона, они не уцелели, но известные вам хилиты – потомки таких жрецов с запада.

Илья слушал очень внимательно, было похоже, что вопрос был задан не ради простого интереса, что за ним что-то стояло, но он не торопился уточнять.

– Спасибо, Сомтанар! Очень жаль, что мой предшественник оказался таким молчуном. Но, честно говоря, я и не рассчитывал на многое. – Он улыбнулся. – Ну, что же, будем считать, что вводными вопросами обменялись. Ваша очередь, уважаемый архивариус. Быть может, мы сэкономим немного времени, если вы обозначите, так сказать, сферу ваших основных интересов?

– О, это очень просто! – Сомтанар засмеялся. – Боги, Земля и вы.

– Я? – Илья, казалось, был немного озадачен.

– Ну, не ваша персона в узком смысле этого слова, уж извините, а ваши цели, намерения, планы, большей частью как

раз в связи с богами и Землей.

Сомтанар не выдержал, вскочил. Его деятельная натура, несмотря на профессию, требовавшую усидчивости, прорывалась, соблазненная действием горячего орешка. Он пробежал вдоль ограждения, всматриваясь в открывающийся простор и все более светлеющее пасмурное небо. Выглянул на лестницу, ведущую наверх, нырнул в сумрак мастерской, несколько секунд замороженно рассматривал странный механизм, стоящий на отдельном верстаке, провел рукой по цепям, на которых болтались небольшие гири – сейчас неподвижные, но о назначении которых он уже догадался, пока рассматривал, как эль кипятил воду на похожем устройстве. Вернувшись к столу, он встретил вполне доброжелательную усмешку на слишком длинном и слишком профилированном, по местным меркам, лице эля.

– Илия, честно говоря, я в смятении. Меня интересует Земля. Все, что вы только помните, – история, жизнь, биологическая и жизнь землян, природа – все! Интересуют боги – их цели, они сами, история их вмешательств в наши жизни, опять же – все! Но, пока я, с вашего любезного позволения, бродил по мастерской, я подумал, что, по большому счету, все это терпит, это не так срочно. Даже если мы пропустим что-либо в этот раз, то, я надеюсь, сможем продолжить наш разговор в будущем. – Сомтанар всмотрелся в собеседника, уловил его ободряющий кивок, перевел дух и продолжил: – Вопрос, от которого зависит настоящее, – один. Что вы со-

бираетесь делать?

Илья отвернулся, посмотрел в провал, немного помолчал, запихал остаток лепешки в рот и, хмурый и сосредоточенный, начал жевать, временами поднося ко рту монструозную парящую емкость с орешком. Сомтанар присоединился к нему, в свою очередь позволив себе большой глоток душистого отвара. Он задумчиво вслушивался в теплую волну, согревшую пищевод, когда эль заговорил.

– Простой ответ, уважаемый архивариус, – я сам не знаю. – Он внимательно смотрел на Сомтанара. – Кроме того, вы ведь так и не поведали мне о поручении, которое вам дал его величество. Оно тоже может повлиять на мои планы.

Сомтанар в ответ состроил кислую физиономию и досадливо махнул рукой:

– Чушь! Его величество, по-моему, не вполне понимает, с кем имеет дело. – Он откинулся на спинку стула. – Вы ответите? Или мне сначала изложить послание?

Илья опустил голову, усмехнулся:

– Если честно, Сомтанар, я сейчас как бы в своем мире, меня волнуют и заботят проблемы, которые, с моей точки зрения, не имеют и малейшего отношения к монарху. От того, что вам поручено передать, я не жду ничего, кроме ненужных и лишних хлопот, отрывающих меня от сокровенных забот в, честно говоря, довольно скучный мне мир отношений между аристократией, Орденом, семьей и монархией. Это неприятность. – Илья невесело улыбнулся. – И я бы

предпочел ее вообще не трогать. – Он о чем-то задумался: – Есть у нас такая поговорка, – но продолжать не стал, встал, коротко бросил: – Подождете пять минут? Я еще толком не умывался. Обещаю, начнем с моего ответа.

– Конечно. Извините за доставленные неудобства.

Эль дернул ртом, но так ничего и не ответив, зашагал в глубь помещения, где скрылся за не замеченной Сомтанаром дверью.

Архивариус вскочил. Подошел к верстаку, на котором громоздилось сложное сооружение из блестящих бронзой штативов с многочисленными регулировочными барашками и тягами, фиксирующее в сложном пространственном порядке разнокалиберные линзы и призмы – все, очевидно, из стекла Радужного разлома. С трех сторон квадратного основания громоздились механизмы со знакомыми приводами на гирьках, дарившими движение небольшим маховикам, в данный момент пустым, но Сомтанар заметил два длинных пенала, заполненных прозрачными шариками с фасками, очевидно, предназначенными для установки в эти непонятного назначения устройства. Каждый шарик был небрежно подписан значками незнакомого языка. Такие же закорючки пестрели по всей поверхности стола, покрытого, среди прочего, и сложным рисунком, нанесенным на большой лист бумаги, плотно прижатый по краям латунными защелками. Впечатленный, он замер, рассматривая массивную конструкцию, тщаась разгадать ее назначение. Взял в руки один из ша-

риков, поднес его к глазам – в серединке застывшей аномалией, крохотным червячком висел небольшой темный кристаллик. Что все это значило?

Скрипнула дверь. Сомтанар поспешил вернуть шарик на его гнездо в пенале – почему-то в этот момент он больше всего боялся перепутать лунку. Встретился взглядом с чужими желтыми глазами. Эль смотрел благожелательно, коснулся рукой бронзы одной из тяг и, как показалось архивариусу, с сожалением отдернул ее.

– Простите, Сомтанар. Забыл о гостеприимстве – засиделся тут, знаете ли, в одиночестве. Если вам понадобится, то за той дверью, – он махнул рукой, – уборная и ванная комната. Не стесняйтесь, прошу вас – похоже, нам предстоит долгий разговор.

Сомтанар сдержанно кивнул:

– Благодарю вас. Я повременю. – Он хитро улыбнулся. – Так вы придумали, как ответить на мой вопрос?

Илья вернулся к столу, сел в кресло, откинулся в нем, вытягивая ноги.

– Да. Придумал, – кивнул архивариусу, подошедшему следом. – Видите ли, Сомтанар, я не вполне уверен, что правильно понимаю цели богов. Храм вот заявляет, что они соскучились. Хотят, понимаете ли, общаться с равными. Может, и так. У нас на Земле было много попыток установить контакт с наиболее развитыми формами жизни. Некоторых обезьян учили земным языкам, и они вполне себе уверенно

общались. – Он заметил поднятый в невысказанном вопросе палец Сомтанара, кивнул. – Обезьяны – это наши ближайшие родственники. Представьте волосатого человека, только на четвереньках, живущего на деревьях и с мозгами раз в шесть меньше, чем у нас с вами. – Эль коротко засмеялся, глядя на собеседника. – Нет, нет, не как муны – полностью волосатые. Я вам покажу.

Илья быстро подошел к полкам у ближайшей стены, взял оттуда небольшой черный прямоугольник и вернулся в кресло. Архивариус терпеливо ждал, пока эль зачем-то возил пальцами по странному предмету, ему показалось, что в этот момент лицо пришельца озарилось неясными отсветами, отчего выглядело совершенно чуждым, инопланетным. Наконец тот замер, секунду задумчиво смотрел на свой прямоугольник, протянул его Сомтанару:

– Вот, смотрите. Это шимпанзе бонобо.

Сомтанар был потрясен. На той стороне прямоугольника, которая не была ему раньше видна, открылось яркое и предельно четкое изображение странного существа, в задумчивом взгляде которого угадывалось что-то до боли родное, человеческое.

Он долго, застыв, разглядывал странную тварь, незнакомую густую зелень позади, почву, скрывавшуюся под густой невысокой растительностью незнакомо вида.

– Что это? – преодолев шок, выдавил он из себя, не отрывая взгляда от планшета.

– Наш ближайший родственник. Обезьяна. Один из видов.

Сомтанар мотнул головой, перевернул прямоугольник, озадаченно разглядывая черную стеклянную поверхность, вновь повернул таинственный предмет. Картинка неведомого животного дрогнула под его пальцами, дернулась, он машинально двинул рукой, и появилось новое изображение – группа таких же волосатых существ: оскаленные морды с огромными клыками, у двоих в руках обломанные ветки, эта же пара стоит выпрямившись на слегка согнутых ногах, все вместе, видимо, орут на что-то живое и пятнистое в ближнем углу кадра.

Сомтанар уже осознанно, хотя и нерешительно, повел пальцем, картинка послушно сдвинулась, и вместо нее на экране появилась пара тех же обезьян, сидевших рядышком, одна из них знакомым человеческим жестом обнимала вторую, как показалось ошарашенному архивариусу, чем-то опечаленную. Вокруг царствовала залитая солнцем зелень. Все, абсолютно все, кроме этих животных, сочилось зеленым. Земля? Вот такая она?

Эль молчал. Сомтанар замороженно листал картинки, порой возвращался назад, тщательно высматривая признаки такой чужой и такой в то же время близкой, узнаваемой жизни. Когда очередная картинка дернулась и отказалась сменяться новой, он, как обиженный ребенок, поднял глаза на Илью.

Тот, терпеливо ждавший все это время, как ни в чем не бывало продолжил:

– Это, Сомтанар, планшет. Земное устройство, которое я принес на Мау. Здесь оно не вполне функционально, но кое на что все же годится – показывать картинки, например.

Илья протянул руку, и Сомтанар, чувствуя, как добровольно лишается сокровища, вернул чудесное устройство хозяину.

– И много там таких картинок?

– Очень много. На нем хранится пара популярных энциклопедий с иллюстрациями.

– Вы хотите сказать...

– Уважаемый Сомтанар, давайте вернемся к вашему вопросу. Думаю, единственный способ сохранить упорядоченность в нашем общении – придерживаться выбранных правил: один вопрос – один ответ. Согласны?

Сомтанар со вздохом закивал, не отрывая глаз от планшета в руках эля:

– Да, да, конечно. Вы правы. Так, о чем мы?

– Я говорил о мотивах богов. О том, что чем-то подобным люди занимались на Земле. Но наши эксперименты были скорее про границы разума, про исследование возможностей родственных видов. Никто всерьез не надеялся вырастить новых разумных. Боги же, по словам Храма, предлагают именно это. Они утверждают, что наше общественное сознание вполне созрело для этого и переходу на новый

уровень препятствует лишь медленно меняющаяся биологическая часть человека. Как утверждает Храм, наша способность порождать языки имеет генетическое основание. – Эль останавливающим жестом показал, что видит непонимание собеседника. – Имеется в виду структура нашего мозга, которая воспроизводится почти неизменно при каждом рождении нового человека.

Сомтанар задумчиво кивнул, и эль, явно возбужденный, продолжил:

– Храм видит тут материальное препятствие. Он считает, что отсталость материи индивидуального мозга препятствует восприятию нами языка другой структуры – более сложного уровня организации.

– И что же? Он предлагает переделать нам мозги?! – На этот раз Сомтанар остановил жестом уже открывшего рот Илью. – И мы ушли от мотивов богов, не так ли? Зачем им это?

Илья поморщился, вздохнул:

– Мотивы, мотивы. Честно? Я их не вижу! Точнее, не верю тому, что мне говорит Храм. Вряд ли он врет. Скорее всего, я не могу правильно воспринять их, и Храм попросту кормит меня упрощенной историей – как говорится, для дикарей. – Несколько мгновений он молчал. – По самым скромным оценкам, боги берутся с человечеством – точнее, с колониями, такими как Мау или Гера, – уже не менее десяти тысяч лет. С моей точки зрения, это многовато для экспери-

мента. Но кто их знает? Может, они живут еще дольше или вообще бессмертны. Тогда то, что нам кажется неуместным, для них – пара мгновений, эпизод.

Эль пожал плечами. Встал, прошелся, помахивая планшетом. Когда он подошел к ограждению, Сомтанар почувствовал, как заныло под коленками, – ему было страшно смотреть, как эль равнодушно вертит редчайшей драгоценностью над пропастью.

– Илия!

Тот обернулся, и Сомтанар, мысленно выдохнув с облегчением, продолжил:

– К чему тогда возня с колониями? Пусть переделывают мозги, если могут, и наслаждаются общением.

Илья пожал плечами:

– Ну, частично я здесь вижу следы логики. Храм утверждает, что человечество, при всей его биологической ограниченности, обладает коллективным, распределенным между индивидами, разумом. И вот его-то мощи вполне достаточно для решения любых задач.

– Тогда я ничего не понимаю. Достаточно или недостаточно? Если достаточно, то зачем что-то переделывать, да еще и без спроса?

Илья вздохнул:

– Сомтанар, вы заставляете меня выступать защитником Храма и его создателей. Имейте это в виду. – Архивариус закивал, и эль продолжил: – У сознания есть материальная

основа – носитель. Для человека это его тело, мозг, в первую очередь. Для человечества в целом – совокупность материальной культуры и людей, владеющих этой самой субстанцией – культурой. Богам нужны оба компонента для успеха задуманного. Здесь, на Мау, произошла Катастрофа, перечеркнувшая планы, которые они пытались реализовать как минимум в двух искусственно созданных колониях. Что произошло на Гере – неизвестно. Теперь же они обнаружили, что земляне самостоятельно развили свою культуру до необходимого уровня и все, что остается, – немного модифицировать наиболее медленно изменяющуюся часть человечества – его биологию.

– Если земляне справились без помощи богов, может, и не надо трогать биологию?

Илья небрежно бросил планшет на стол, Сомтанара так и подмывало схватить его, но он сдержался.

– Храм утверждает, что дело в языке. Именно язык – главное связующее звено человечества, то, что формирует его целостность. И это та часть, которая целиком базируется в наших мозгах. – Эль постучал пальцем по виску, кивнул: – Берите планшет, не стесняйтесь. Я там настроил его на главную страничку о Земле. О планете, для начала.

Архивариус немного смутился, но тем не менее не колебался ни минуты, схватил вожаделенный предмет, мгновенно оживший под его пальцами.

Сказать, что он потерялся, – ничего не сказать. Через ка-

кое-то время, с трудом расслышав слова эля, поднял глаза, обнаружил того сидящим в расслабленной позе в глубоком кресле грубого вида. Смысл его слов медленно просачивался в голову, возвращал с далекой планеты на Мау, в реальность.

– Храм не переделывает мозги. Думаю, это невозможно. Он считает, что достаточно снабдить нас дополнительными рецепторами, которые будут воспринимать часть реальности, ранее нам недоступную. А мозг со временем сам изменит структуры языка, пытаясь описать воспринимаемое.

– Простите? – Сомтанар все еще не мог сосредоточиться.
– Это как со скелле. Думаю, что создатели Храмов не зря выбрали Мау для колонии. Часть людей здесь могли воспринимать то, что обычно для нас недоступно.

Архивариус окончательно очнулся:

– Вы хотите сказать, что они уже меняли мозги наших предков?

– Не знаю. – Илья равнодушно пожал плечами. – Возможно, меняли, возможно – все сформировалось по естественным причинам. Важно другое – вместо того, чтобы дать основы для новой языковой структуры, дар превратился в банальное таинство – магию. Привитие новых рецепторов, искусственное или естественное, не дало того, на что рассчитывали боги. В условиях примитивной культуры люди не стали разбираться с подарками. Это как дикарям выдать радиоприемник. Они быстро научатся с ним обращаться – и только. Чего там исследовать – магия!

Сомтанару почему-то стало обидно.

– Вы сами говорили, что цивилизация древних ни в чем не уступала земной, и, возможно, даже превосходила ее!

Илья усмехнулся и поднял в миролюбивом жесте руки:

– Говорил, говорил. И даже убежден, что превосходила.

Во всяком случае, мои соплеменники о прыжках с планеты на планету могут только мечтать. Но мы знаем достоверно три факта: первый – третий эль отказался от предложения Храма, второй – при его жизни цивилизация древних только начинала свой скачок, и третий – Катастрофа. Иными словами, если для контакта необходимы два компонента – нужным образом структурированное индивидуальное сознание и развитая культура, способная обслуживать коллективный разум, – то на Мау оба условия одновременно не сложились.

Илья надолго замолчал, Сомтанар задумался, невидящим взглядом посмотрел на планшет, поднял глаза на эля:

– Возможно, тайна Катастрофы связана именно с предложением Храма.

Эль подался вперед, прищурился:

– Вы что-то знаете об этом?

Сомтанар не удержался, рассмеялся:

– Это другой вопрос! – Повертел в руках планшет, с сожалением положил его на стол, поднялся. – Илия, если я правильно понял, вы получили от Храма некое предложение. – Он всмотрелся в откинувшегося назад с непонятной гримасой эля, открыл рот, собираясь продолжить, но тот его пере-

бил.

– Да. Уважаемый архивариус, вы правы. Храм решил, что земная культура вполне созрела для его целей. Осталось немного подправить некоего персонажа, – Илья характерным жестом постучал себя пальцем по голове и продолжил: – И отправить его на Землю. Так сказать, сеять доброе и вечное.

Сомтанар вскочил. Мысли в его голове вспухали, сталкивались и лопались, как пузыри на кипящей от дождя луже. Забыв о правилах и условиях, брызги сознания выплескивались наружу:

– На Землю?! Это возможно?! А?! – Он повторил жест эля, постучав себя по голове. – Храм что-то сделал?! Он что-то дал?! – замахал руками. – Извините! Слишком много вопросов!

Сомтанар отвернулся, невидящим взором уставившись в унылый пасмурный день, набиравший силу над темными клубами леса внизу, заполнившими все до далекого горизонта. Из-за спины раздался голос хозяина:

– Ничего страшного. Вы, можно сказать, тот, кто мне нужен.

– Что вы имеете в виду? – обернулся архивариус.

– Я не принял решения. Я завис и не вижу пока выхода. Обсуждать же ситуацию с кем-либо здесь, на Мау, – бесполезно. Скелле, более других готовые воспринимать мои слова, как выяснилось, еще те ретрограды. Все их интере-

сы сосредоточены вокруг прошлого: мифы, предания, обеты, клятвы. Боятся возвращения ужасов, о которых не имеют ни малейшего понятия. Вы, пожалуй, единственный человек за долгое время, который понимает, о чем я говорю. Поэтому не извиняйтесь. Я сам жажду поделиться.

Илья встал, подошел к Сомтанару, облокотился на ограждения пропасти, заговорил, всматриваясь в клубящийся у подножия лес:

– Есть два препятствия. Первое – я боюсь возвращаться на Землю. – Эль сделал паузу. – Тому множество причин. В то же время я скучаю. Вы не представляете, как я скучаю по Земле! На целой планете я нашел, и то благодаря случаю, единственного человека, который хоть что-то понимает в моих словах, – вас. У меня здесь семья, ребенок, друзья, есть связи и важные знакомства, я вообще неплохо тут устроился. И при этом я чудовищно одинок! – Эль на мгновение оторвался от вида долины, слегка прищурившись посмотрел на притихшего архивариуса. – Знаете, я хорошо говорю на вашем языке, я более-менее освоил древний, но не могу поделиться своим беспокойством с собственной женой, к примеру. Ощущение, что отсутствует масса слов, таких знакомых и привычных на Земле. Мне постоянно приходится изобретать какие-то иносказания, метафоры, эвфемизмы, чтобы объясниться. И этого все равно мало. Мне нужна Земля! Здесь я неполноценный огрызок своего мира. Вы не представляете те ощущения, которые я пережил, ко-

гда попал туда, нечаянно используя Дорогу Домой. Я говорил и не чувствовал этого. Я не думал о языке, о сложностях перевода. Говорить там – это как дышать. Просто быть там, среди людей, которые думают, как ты, которые читали в детстве те же книги, смотрели те же мультики, играли в те же игры, которые верят в то же, что и ты, – счастье!

Эль выпрямился и замолчал. Сомтанар замер, чувствуя, как прикоснулся к кусочку настоящего иномирья. Этот высокий худощавый пришелец, важная персона и пугающий своими возможностями маг, затворник, в удаленное логово которого, как баржи по Дону, идут караваны, предстал перед ним не как человек, а как оторвавшаяся деталь инопланетного космического корабля – одинокая и бесполезная без улетевшего в дали космоса скитальца. Он еще переживал это чувство, когда Илья равнодушно развернулся спиной к грандиозной панораме и заговорил снова:

– Второе препятствие – дар Храма. – Эль внимательно посмотрел на молчаливого архивариуса. – Храм переделал какие-то клетки под рецепторы нового типа. Я теперь должен воспринимать новые аспекты реальности. Но. – Он сделал паузу. – Я не могу ими пользоваться.

– Почему? – не удержался Сомтанар.

– Все работает как задумано. Я легко их активирую, если можно так выразиться. Но новая реальность настолько тошнотворна, что меня выбрасывает из этого состояния буквально за несколько секунд.

– Вы видите что-то чудовищное? – осторожно, ощущая некоторый испуг, спросил Сомтанар.

– Да нет, нет, – быстро ответил эль, махнул рукой, немного помолчал. – Понимаете, это как-то связано со временем. Я воспринимаю в этом состоянии всю материю, как тени в быстром потоке. Как завихрения на поверхности текущей воды от камней или порогов, которых нет. Объекты, которые я вижу, – вы вот, например, – становятся как бы памятью. Память есть, и она постоянно наполняется, а реальности нет. Ощущение, что реален только сам поток. – Он поморщился. – Начинает тошнить. Кажется, что и меня самого нет. Все в голове спутывается, и меня выбрасывает. Сколько ни пытался, удержать себя в таком состоянии долго не могу.

– Может, Храм может помочь?

– Не, – эль мотнул головой. – Он сказал – все штатно. Мол, новые связи растут медленно. Занимайся регулярно, и будет тебе счастье. – Илья усмехнулся. – Только вот я не понимаю, как это делать, если меня выдергивает из нового состояния не мое решение, а какой-то рефлекс, которым я не управляю.

Они молчали.

– Илия? А что вы должны делать на Земле? Ну вот прибыли вы туда – что дальше?

Эль вздохнул:

– Тонкая тема. Насколько я понимаю, со временем в моей голове должна образоваться сама собой структура, адаптирующая сознание к новому восприятию. Ну, как музыкан-

ты от длительной тренировки начинают воспринимать ноты, написанные на бумаге, как настоящие звуки, а со временем и движения пальцев, извлекающие уже реальный звук, становятся неосознанными, автоматическими. Они как бы сразу думают музыкой. Для них услышанный тон или мелодия – уже движение пальцев, без участия сознания. А нотные знаки – язык, описывающий новое восприятие мира. Храм считает, что со временем и я, подобно музыкантам, начну воспринимать реальность по-новому, и отражением этого станет новый язык. Он даже подселил его элементы в ткань моего мозга, чтобы оформление произошло легче.

Илья оторвался от ограждения, подошел к столу, взял с тарелки небольшой остаток бутерброда, задумчиво посмотрел на него и бросил в рот. Прожевав, обернулся к задумчивому собеседнику:

– Моя миссия – сообщить новый язык землянам. Вроде как к дикарям, не знающим музыки, возвращается похищенный иноземцами скиталец и привозит не только идею мелодии, но еще и нотную грамоту для комплекта. Ну а уж дикари сами это дело оприходуют, напишут пару нетленных шедевров, и тогда иноземцы примут их в большую семью меломанов.

– А если туземцы не примут родича? Скажут, не нужны нам эти заморские штучки?

– Примут, примут. Они любопытны от природы. Как только услышат музыку, оценят ее реальность, сразу найдутся те,

кто это дело исследует. Конечно, творить они будут уже свое, но сама идея – извлекать гармонический набор звуков, влияющий на эмоциональное восприятие, станет привычной и понятной.

– Я так понимаю, что для этого все же надо, чтобы дикари были не сильно дикие. А то съедят они скитальца – и дело с концом!

Илья усмехнулся:

– Ну да.

– И это причина, почему Мау сейчас Храм не устраивает.

Илья задумчиво посмотрел на Сомтанара:

– Не уверен, но, кажется, да.

– Может, для начала, для опыта, попробовать передать идею какому-нибудь дикарю, который заведомо не будет кусаться?

– Вы, Сомтанар, кажется, намекаете на себя?

Архивариус почувствовал себя неуютно под, как ему показалось, слегка насмешливым взглядом Ильи, но пересилил смущение и честно признался:

– Ну, а почему нет?

Похоже, этот архивариус – родственная душа. Готов, из чистого любопытства – вернее, любознательности – сунуть голову в темноту инопланетного логова. Я какое-то время разглядывал его: хотелось понять, есть ли внешние черты, судя по которым можно было бы сразу определить этот тип авантюристов-исследователей. Но невысокий лысоватый че-

ловечек напротив мог быть кем угодно – от мелкого торговца до крестьянина. Ничто, кроме умных быстрых глаз, не выдавало в нем человека, занимавшего одну из самых засекреченных должностей в монархии Мау. Разве что говорить с ним было намного проще, чем с теми же мастерами в Саутриме, которым, помнится, пришлось долго и иносказательно разжевывать идею калибра – не диаметра ствола огнестрельного оружия, а средства измерения. Этот, похоже, понимал меня – во всяком случае, он ни разу не потребовал пояснений, к чему я уже привык, имея дело с купцами и мастеровым людом. Не хотелось его огорчать, но он, при всех его достоинствах, не годился. Язык Храма должен воспринять не отдельный человек, а человечество. Да и я, честно говоря, до сих пор не понимал, что делать с этим даром. Но огорчать гостя не хотелось, поэтому я дипломатично уклонился от ответа:

– Мы обсудим этот вариант. Но мне кажется, что вам стоило бы для начала выполнить поручение его величества. Что оно – величество, я имею в виду, – поручило вам?

Сомтанар нахмурился, встал, слегка поклонился:

– Прошу прощения, Илия. Вы правы. Давайте покончим, пожалуйста, с этим.

Он подошел к небольшой сумке, которая раньше болталась у него на плече и которую он скинул на верстак, едва попал в мастерскую, порылся в ней и извлек небольшой пакетик. Немного торжественно произнес:

– Его величество просили передать, что не держат на вас зла за нарушение запрета на посещение Храма. Вместе с тем они просили напомнить, что ваши потомки на Мау остаются их подданными от рождения, и они надеются, что ваши не вполне обдуманнные поступки не повлияют на будущую судьбу ваших детей.

Он уставился на меня, я кивнул, и Сомтанар продолжил:

– Кроме того, его величество благосклонно велели передать в ваше пользование древний артефакт, принадлежавший вашему предшественнику. – Архивариус начал разворачивать сверток, ничуть не соответствуя предыдущим почти торжественным словам, впился зубами в неподатливый узел, после чего весело взглянул на меня, продолжая извлекать непонятную штуковину. – Я, каюсь, любопытен. Навел кое-какие справки – предмет этот доставила во дворец лично Старшая сестра. Что это такое, я не знаю, но хранилось оно, похоже, в ее личном сейфе.

Наконец, процесс удаления упаковки был завершён, и Сомтанар протянул мне длинную прямоугольную пластину серого цвета, один угол которой был как будто надкушен. Я взял оказавшийся неожиданно легким предмет, повертел в руках – никаких надписей, символов, ничего больше, просто прямоугольник, фактурой поверхности напоминающий камень. Ровные, слегка скругленные грани не оставляли сомнений – это искусственный объект. Упоминание Старшей сестры немного насторожило, и я принял непрощенный дар

с опаской.

– Вы знаете, что это? – Сомтанар, похоже, уже неоднократно исследовал непонятный предмет, и сейчас его больше интересовала моя реакция, чем содержимое разодранного пакета.

– Понятия не имею! – честно признался я. – А вы? Знаете, что это?

– Откуда?! Я же не эль!

Я всмотрелся в собеседника:

– Хотите сказать, что его величество отправил мне в подарок предмет, о котором не имеет ни малейшего представления?

Сомтанар как-то поежился и согласился:

– Да, странно. Но мне более ничего не сказали. Я думал, что вы знаете, что это.

– Насколько я понимаю, с вами беседовал Ас?

– Да. Но он только сказал: «Отдашь еще вот это. Передай, что он принадлежал последнему элю».

– И только ради этого вас отправили в это путешествие?

– Конечно нет! Разве вы не поняли? Речь идет о судьбе ваших детей!

– погоди ты! Что это за хрень такая?!

Сомтанар выгнул бровь и, задумчиво глядя на булыжник в моих руках, предположил:

– Возможно, они рассчитывали, что эль сможет разобраться с этим?

Ну да – подумалось. Я же эль! Я повертел предмет в руках, привычно накрыл им источник, отбросив его тень на себя, но ничего особенного не почувствовал. Покрутил его, как если бы это был кристалл, меняя оси вращения, но не почувствовал даже легкого дуновения ветерка. Что бы это ни было, оно не давало тени. А без тени моя природа инопланетянина ничего не чувствовала. Уже собираясь отложить непонятное на потом, я бросил быстрый взгляд на застывшего архивариуса, на его вытянутое от любопытства лицо, и нырнул в безумие Храмового дара.

Черной водой рванулось в лицо ускользающее прошлое, знакомо забились текучими отблесками ближайšie предметы, и неожиданно пугающей звездой вспыхнул непонятный подарок.словно река, в холодном потоке которой я стоял, против всех законов природы извернулась, и часть ее воды ускоряясь рванула против течения, ослепительной иглой разбиваясь о невидимую преграду впереди. Сознание зацепилось за новую картину, позволяя удержаться, не выскочить раньше времени из тошнотворного водоворота. Я, обрадованный новой возможностью задержаться, осмотреться в искажении реальности, шагнул вперед, вглядываясь в сверкающие брызги, и те дрогнули. Поток подхватил меня, время впереди раздвинулось, смещаясь, блеснуло блестящими текучими разводами, огибающими настоящее. Испугавшись, я попробовал вырваться, выскочить назад, но было поздно.

Старший лейтенант Володин развалился в удобном кресле, забросив, по ковбойскому обычаю, ноги на рабочий стол. От давних предков голливудских героев он все же отличался – вместо пыльных сапог из толстой потертой кожи на его ногах красовались белые носки из натурального хлопка – известная редкость по нынешним временам. Подобная вольность, неуместная для обитателей Москвы, в данный момент была им справедливо заслужена. Володин переживал небольшой личный триумф, и никто не посмел бы сделать ему замечание. Да, честно сказать, и некому было это делать – в просторном кабинете, где обычно помещались сразу трое сотрудников одного из самых секретных подразделений союзной полиции, никого, кроме него, не было.

Просторное окно из сложного бутерброда поляризованных стекол и тончайших токопроводящих структур, призванных предотвратить любую возможную утечку данных, выходило в обширный двор хозяйственного управления столичной полиции, где их отдел, в целях конспирации, и располагался. Стояло лето, и отблески солнечных лучей, причудливо преломляясь в многочисленных окнах, пятнавших стены, окружавшие ведомственную территорию, придавали кабинету, где наслаждался заслуженным отдыхом старший лейтенант, пестроту дна бассейна или обширного аквариума,

расцветенного солнечными зайчиками. Володин пошевелил пальцами, задумчиво следя за изгибами ткани на носках, и подумал, что, возможно, скоро станет капитаном – капитаном полиции, если быть точным.

Чем новое звание привлекало Володина, который никогда в жизни не имел собственной формы – даже для фотографии в личное дело китель с галстуком ему был предоставлен на время прямо в ведомственном фотоателье, как по старинке назывался отдел учета и регистрации, – он не знал. Володина сманили на работу в полиции прямо из университета, по окончании которого он планировал заняться наукой. Видимо, планировал без должного энтузиазма, зато отличался известной долей авантюризма и тягой к приключениям, что, без всякого сомнения, учли полицейские вербовщики. Как бы там ни было, но он сейчас здесь и крайне доволен собой.

В голове мелькали детали раскрытого дела, отчет о котором он полминуты назад благополучно зарегистрировал. Странный день – ни разу не праздник, но сидит занозой в голове у каждого русского человека – 22 июня 2045 года. Июнь понятен – война началась, но это было в сорок первом. 2045-й тоже ясно – официальный юбилей, отгремел парад на Красной площади – все дела! А все равно кажется, что сегодня еще какой-то праздник, или не праздник?

Когда Володин только родился, камеры видеонаблюдения, как рассказывал отец, уже украшали собой едва ли не каждый столб в столице. Но никто тогда и представить себе не

мог, во что это превратится через четверть века. Мало того, что камеры сами по себе стали микроскопическими и почти вездесущими, так и с развитием динамических сетей они превратились в один из самых многочисленных и самых распространенных узлов. Как морской прибой или океанские волны, данные перекачивались по просторам бесконечно перестраивающихся дин или дюн, как называли в его среде эти сети для краткости. Ничто и никто не мог спрятаться от их взора. Регистрировалось все! Можно сказать, что в глубинах сетей постоянно мигрировало отражение самой реальности. Сложные комплексы высокого уровня непрерывно обслуживали это отражение, стремясь спасти от неизбежной деградации то, что было важно. Преступность изменилась принципиально. Она никуда не исчезла, но теперь злоумышленник мог надеяться лишь на одно – то, что его активность не привлечет ничье внимание. Только так он мог надеяться избежать правосудия. Но если ты уже был замечен, то все – суши сухари! И вот, посреди этого царства упорядоченной тотальной слежки, в центре Москвы, исчезает подозреваемый – мелкий торговец дурью. Да как исчезает – с концами! Ни один из десятков тысяч потенциальных регистраторов его не обнаружил!

Собственно, отдел, куда угодил Володин, занимался именно этим – необъясненными исчезновениями, неразгаданными глюками и прочими секретами, нарушавшими тотальную гармонию правосудия. Секретность была связана в

основном с тем уровнем допусков и ресурсов, которые вручались его сотрудникам. Пожалуй, именно их богоподобное положение и требовало столь трепетного внимания и охраны. Ни одно из загадочных исчезновений, которыми занимался лично старший лейтенант, само по себе не стоило такого внимания. Вот, возьмем этого торгаша – толкал таблетки студентам через нескольких посредников. Кому он нужен?! Исчез? И слава богу! Но если исчез один – могут исчезнуть и другие. А вот это уже опасно! И именно эту опасность, благодаря толковому оперативнику, удалось ликвидировать!

Володин сбросил ноги со стола, подошел к окну. Возбужденный мозг никак не хотел успокаиваться, прокручивая детали только законченного отчета.

Настоящую революцию в цифровой мир принесло создание аналоговых систем распознавания. Распознавания всего: лиц, людей, слов, звуков, интонаций, настроений, дорожной обстановки и прочего и прочего. Аналоговые машины с легкостью и практически мгновенно переводили на любые языки, системы идентификации узнавали людей даже в таких обстоятельствах, когда сами люди были не вполне уверены в выборе, автопилоты давно стали привычной опцией любого автомобиля, самолета или поезда. Но была одна небольшая заминка – прежде чем модуль идентификации, например, уверенно скажет, что этот персонаж на видео – Вася Пупкин, этот самый модуль надо создать. Не запрограмми-

ровать, не записать в глубины памяти мировой сети, а создать – физически. Аналог, брат, это тебе не вечно текущая цифра!

Когда Володин получал паспорт, огромный суперкомпьютер, располагавшийся на окраине города, потратил десяток минут, только чтобы спроектировать модуль идентификации, затем притаившийся в том же здании высокотехнологичный завод еще целый день выращивал тонкопленочную структуру, которая по традиции называлась чипом – не одного, конечно, только Сашки Володина, но еще нескольких тысяч старшеклассников, и на этом все не закончилось. Готовую сборку из нескольких сотен чипов, так называемый банк, доставили в особый центр, где присоединили к одному из крупнейших общесоюзных узлов. Только после – а это произошло уже на следующий день после формальной процедуры «паспортизации» – невидимое око государства стало распознавать Володина как своего нового гражданина.

Такие центры, где сопрягались два мира – цифровой и аналоговый, – были разбросаны по всей Москве, как и по остальным городам огромной страны. И в отличие от почти совершенно виртуального мира сети, они требовали много большего внимания – нельзя было просто скопировать в цифре модуль распознавания или сохранить на всякий случай виртуальный отпечаток, модуль каждый раз требовалось создавать, как говорится, во плоти.

В одном из таких центров трудился рядовой техник – Гло-

ба Роман Николаевич. В его обязанности входил контроль за работой специальной программы. Последняя непрерывно сканировала виртуальное отражение реальности, переливающееся по узлам подвижного мира дюн в поисках заданных объектов. Информации было слишком много, с избытком, и задачей программы было скопировать и сохранить в дата-центрах стационарной сети только то, что было действительно важно.

Специфика аналогового мира часто требовала от техников непосредственной работы руками. После очередной возни с капризным банком чипов наш техник обнаружил небольшой глюк – сохраненное изображение дергалось, как если бы из него удалили небольшой фрагмент. Быстро выяснилось время в аналоговой части банка, задающееся собственным генератором, хотя периодически и синхронизировалось с глобальной сетью, но именно что – периодически, и, когда неловким движением кто-то задел выводы кристалла генератора, прошел сбой, и оно сместилось на 16 секунд. Сбой этот сохранялся недолго – до очередной синхронизации. Однако все пакеты, прошедшие через систему распознавания, приобрели неверную маркировку. Надо сказать, что программа слежения, кроме всего прочего, выполняла обязанности мусорщика. Специфика динамических сетей подразумевала распределенное хранение пакетов по всей сети, следствием чего было появление множественных копий одной и той же информации в разных узлах. Чтобы из-

бежать перегрузки и освободить ресурс, программа удаляла все дубли при выгрузке пакета, а так как часть пакетов оказалась промаркирована с ошибкой, она приняла их за те же дубли и удалила.

Рома оказался парнем сообразительным. Он догадался, что безобидный глюк может быть использован для того, чтобы удалить всю информацию из динамической сети за заданный период, пусть и небольшой. Конечно, это будет замечено, и глюк устроят. Но потерянной информации уже не вернуть. Да и не факт, что это быстро заметят. Если пропадет десяток секунд скучного ночного пейзажа, вряд ли кто-то обратит на это внимание. Главное, чтобы в кадре ничего не происходило именно в моменты начала и восстановления целостности отражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.